КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

6-го марта. № 6. 1874 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ НЕД. КРЕСТОПОКЛОННУЮ.

Вчера вынесенъ изъ св. олтаря крестъ, чтобы мы могли поклониться ему и облобызать его. Для чего же это именно теперь онъ вынесенъ, и предлежитъ предъ вами?

У Церкви есть цѣль и смыслъ при этомъ. Недѣлю эту она называетъ крестопоклонною и средокрестною, значитъ она половина, средина поста. Для церкви не тайна, что есть у ней чада, которыя постятся, каются, сокрушаются о томъ, что своими грѣхами прогнѣвали Бога, оскорбили Его, и есть чада, которымъ грѣхъ кажется бездѣлицей, о которой сокрушаться не-чего. Церковь вчера вынесла крестъ для тѣхъ и другихъ. Что такое крестъ? Это символъ страданій Распятаго на крестѣ Господа нашего І. Христа. За что, для чего Онъ, Сынъ Божій, былъ распятъ и страдалъ на крестѣ? за наши грѣхи, для того, что бы предъ правосудіемъ Божіимъ своею кровію искупить, загладить наши грѣхи. О, значитъ грѣхъ не есть бездѣлица. Значитъ грѣхъ такъ важенъ, что для того, чтобы искупить его и загладить, нужно было Сына Божія, нужно было Ему страдать мучи-

тельными страданіями, умереть на крестѣ. Да, грѣхъ дѣло очень важное. Онъ, какъ ядъ, отравляетъ всю нашу и тѣлесную и духовную природу. Можно бываетъ слѣдить за дѣйствіями этого яда и на тѣлѣ нашемъ. Безпорядочная жизнь скоро даетъ себя чувствовать тому, кто имѣетъ несчастіе вести ее: болѣзни—обыкновенные ея спутники. Но можно замѣтить дѣйствіе грѣховнаго яда и на духовной природѣ. Безсиліе ея, неспособность ни къ чему, что возвышенно, свято и благородно, ослабленіе воли до того, что человѣкъ дѣлается рабомъ своихъ страстей,—вотъ обычныя дѣйствія грѣха. Неспособность ни къ чему возвышенному, святому и благородному, ослабленіе воли, до того, что она дѣлается рабою каждой самой постыдной страсти, что же это какъ не погибель души? Дѣйствія грѣха не останавливаются на насъ, они отражаются на нашихъ отношеніяхъ ко всему, что окружаетъ насъ, и извращаютъ ихъ. Вамъ не трудно догадаться, откуда главнымъ обр. всѣ эти бѣдствія, удручающія общество человѣческое. Начало имъ животное наше себялюбіе, отъ котораго обманъ и коварство, вражда и ненависть съ спутниками ихъ-несправедливостію, клеветою, зложелательствомъ и безчисленными другими проявленіями падшей природы, образующими то, что есть наиболѣе темнаго и безотраднаго въ жизни нашей, Но все ли это, что дѣлаетъ грѣхъ на погибель души нашей? Нѣтъ, унасъ есть еще отношенія къ Богу. Ахъ, други, мы, кажется, меньше всего сознаемъ важность ихъ, и склонны думать, что, если мы хороши съ тѣми, кто имѣетъ къ намъ общественныя отношенія, то все нами сдѣлано и мы въ правѣ думать о себѣ, какъ о людяхъ честныхъ

Но кромѣ насъ, и людскаго общества есть еще Богъ, нашъ Творецъ; котораго намъ нельзя забывать, и къ которому мы не можемъ неимѣть отношеній. Каковы же они у насъ и что дѣлаютъ грѣхи наши здѣсь? Они порываютъ

нашу связь съ Господомъ, возжигаютъ на насъ гнѣвъ Божій, готовятъ намъ кару Божьяго правосудія. О, эта такая кара, которой нелязя найти сравненія. Вѣчная смерть, муки вѣчныя, огонь вѣчный, Божіе проклятіе, и вѣчная жизнь внѣ Бога, добра, свѣта, *внѣ* царства Божія, внѣ Божіей вселенной.

Крестъ Христовъ, Святѣйшая и безцѣнная кровь Сына Божія, пролитая на немъ за грѣхи наши! чаще представляйтесь душѣ нашей, чтобы давать чувствовать ей, какое великое зло и бѣдствіе грѣхъ! Аминь.

ПАНЕГИРИКЪ, ПОДНЕСЕННЫЙ ВЪ 1591 ГОДУ ЛЬВОВСКИМЪ БРАТСТВОМЪ МИТРОПОЛИТУ МИХАИЛУ РОГОЗѢ.

(Окончаніе).

Большія надежды, какъ это можно заключать изъ панегирика, возлагало братство на новаго митрополита

Незавжды (говорило оно въ лицѣ своихъ отроковъ)
бываетъ тма на воздусѣ мглистая,
а нитрваетъ уставичне ночь чорно облачная,
Але и солнечное горячее коло промении блистаетъ,
затымъ и самого ясно сіяющаго свѣтъ бываетъ.

Привнесеніе такого свѣта въ черно-облачную ночь, покрывшую южно-русскій горизонтъ, братство и ждало отъ своего патрона; оно надѣялось, что онъ, «возлюбивши справедливость святую и имѣя въ ненависти безбожность проклятую,» какъ лице, почтенное отъ Бога *значною повагою*, какъ добрый воинъ, препоясанный *отовсюду наостреннымъ, кованнымъ богословіемъ мечемъ*, будетъ ратовать за православіе и ограждать его отъ *противности людій зловѣрныхъ*; оно думало, что теперь—то, послѣ лютой и несносной зимы, подъ мудрымъ управленіемъ восхваляемаго имъ архипасты-

ря наступитъ *тихая и небесная весна.*

Сътецемжеся братіе (восклицало братство) да цѣлуемъ святителя,

И съ радостію въскликнемъ похваляюще учителя:

Радуйся грядый, краснѣ нозѣ твои Святителю,

Тоже рещи, всея Россіи изрядный строителю;
Священство пріалъ еси и жизнь, церковный источникъ,
Жажденіемъ же истины Иліи еси подобникъ,
Иже отъ пресохшаго источника жажды устудитися,
Намъ же едва малодышущимъ оживотворитися;
Оному убо подобаше сѣмя израилеви оставити,
Тебѣ же обидимаго отъ обидящаго избавити.
....пройдохомъ якоже сквозь огонь и воду,
Чающе известися тобою на свободу,
Или жезломъ пастырства своего запрѣти,
Или вся терпѣливнѣ подъяти помози,
И всю жизнь нашу изведи на строеніе,
Да тобою получимъ отъ бѣдъ спасеніе.

Но, какъ извѣстно, львовское братство сильно ошиблось въ своемъ патронѣ. Рогоза не способенъ былъ стоять во главѣ іерархической лѣстницы въ такое бурное и опасное для южно-русской церкви время, какимъ былъ конецъ 16 столѣтія. Слабохарактерный, не рѣшительный, склонный служить двумъ господамъ,—онъ не въ состояніи былъ вести успѣшную борьбу съ все болѣе и болѣе укоренявшимся зломъ въ своей паствѣ и, опасаясь съ одной стороны немилости патріарха не довѣрявшаго ему, а съ другой увлекшись планами *райскаго змія* (какъ удачно былъ названъ Кир. Терлецкий), дозволилъ вовлечь себя въ недостойное дѣло уніи и перешелъ въ исторію съ титломъ измѣнника...

Онъ умеръ въ 1599 году, по свидѣтельству современниковъ, горько раскаявшись въ своемъ отступленіи отъ православія. [1])

Что же касается до значенія сообщеннаго нами панегирика, какъ литературнаго памятника, то оно опредѣляется уже самою его древностію. До нашего времени отъ конца XVI столѣтія, за исключеніемъ немногихъ и незначительныхъ стихотвореній (эпиграммъ), помѣщенныхъ въ началѣ нѣкоторыхъ, изданныхъ въ то время книгъ [1]), не дошло ни одного реторическаго произведенія южно-русской литературы. Поэтому приведенный нами панегирикъ можетъ служить матеріаломъ для оцѣнки современнаго ему состоянія реторической науки въ одной изъ древнѣйшихъ школъ литовско-русскаго княжества... Съ этой стороны мы на него и взглянемъ.

---

[1]) Вообще современники отзывались о М. Рогозѣ болѣе снисходительно, чѣмъ о прочихъ іерархахъ, измѣнившихъ православію. Они смотрѣли на него, какъ на жертву козней Терлецкаго, Поцѣя и латинянъ. »Михаилъ Рогоза, пишетъ авторъ Полинодіи, прелестію подобныхъ ему нестатковъ до костела римскаго папежскаго прилучился«; онъ (впослѣдствіи) »хотѣлся былъ навернути на свой правій першій путь, еножъ якъ хлѣбомъ честью и суетою того свѣта былъ прельщенъ, такъ для нихъ же не осмѣлился явнѣ ярма зверечи папѣжскаго, и по всѣ дни живота своего на сумнѣнью не былъ спокойный и пришло до того, же при смерти отволивалъ свою апостасію и отъ православнаго духовника жадалъ з'души еножъ предстатели латинниковѣ зборонили и не допустили (Полинодія. час. 3, разд. 2, арт. 1, лис. 461—462 норкп. Кіев. Дух. Акад.)

[2]) Такія эпиграммы можно найти въ начальныхъ листахъ *Библіи*, изд. 1581 г., въ Острогѣ. ,въ *Апокрисисѣ*, изд. 1597 г., въ Вильнѣ, и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ.

Въ концѣ XVI стол., все болѣе и болѣе увеличивающаяся пропаганда католицизма и отчасти протестантизма,— пробуждаетъ дремавшія доселѣ силы южно русскаго народа. Однимъ изъ проявленій этого пробужденія было сознаніе, что «то вельми много зашкодило панству русскому, же не могли школъ и наукъ посполитыхъ расширяти и оныхъ не фундовано; бо коли бы были науку мали, тогда бы невѣдомостію своею не пришли бы до таковыя погибели» [1]). Поэтому «для поддержанія святой вѣры въ русскомъ народѣ, для преспѣянія и преподаванія наукъ, отъ которыхъ бы могла быть самоскорѣйшая и наилучшая помощь церкви Божіей»,—лучшіе южно-русскіе люди (особенно братства) основываютъ школы и принимаютъ самое горячее участіе въ ихъ судьбѣ. Такимъ образомъ появляются школы въ Острогѣ, Львовѣ, Вильнѣ, Брестѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Кіевѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Но какимъ же путемъ хотѣли достигнуть означенной пользы отъ школъ люди, преданные православію?—Какіе предметы желали они ввести въ кругъ школьнаго обученія?

Большинство, крѣпко державшееся старыхъ традицій, желало ограничить ученіе въ школахъ только предметами чисто церковнаго характера. «Залецаю вамъ, писалъ одинъ ревнитель православія львовскому и виленскому братствомъ,—залецаю вамъ и пораду даю, чего ся учити имѣютъ, чтобы дѣти ваши спасли, и по васъ благочестіе задержали, и христіанство своей вѣры не стратили. Въ первыхъ ключь, или грецкую или словенскую грамматику да учатъ; по грамматицѣ же, во мѣсто лживое діалекты (з' бѣлаго черное а з' черного бѣлое предтворяти учащее) тогда бо учатъ

---

[1]) Акты Зап. Рос. т. IV. № 149.

богомолебнаго и праведнословнаго часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силлогизмъ и велерѣчивое реторики, тогда учатъ богоугодно молебный псалтирь; во мѣсто философіи надворнѣе и повоздуху мысль разумную скитатися зиждущее,—тогда учатъ плачивый и смиренномудрый охтаихъ, а по нашему церковнаго благочестія догматы—осмогласникъ; таже (учатъ) конечное и богоугодное предспѣяніе въ разумѣ—дѣльное богословіе; таже учатъ святую, евангельскую и апостольскую проповѣдь съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, не слухи (рѣчь упремудривши токмо) чесати словомъ проповѣднымъ, а не силу Духа Святаго влагати въ слышащихъ сердца.» Лакомство на поганскаго красномовнаго Аристотеля и на вавилонскія страсти музыки, по замѣчанію сего ревнителя православія, есть дѣло крайне не одобрительное [1]) Но такой взглядъ на школьное обученіе даже и въ концѣ 16 стол. не могъ быть раздѣляемъ всѣми южно-руссами. Лучшіе люди того времени, пришедши къ мысли поднять въ интересахъ вѣры и народности уровень общественнаго образованія и съ этою цѣлію основывая школы, не могли ограничить кругъ преподаванія въ послѣднихъ, какъ это было прежде, одними только богослужебными книгами. Рядомъ съ ними была гордившаяся своими учебными заведеніями Польша, рядомъ находились іезуиты, славящіеся своею ерудиціею, почитаемою большинствомъ образованныхъ людей того времени за верхъ человѣческой мудрости; рядомъ встала и шла на нихъ, сильная своими софизмами и внѣшнимъ блескомъ, католическая пропаганда. Поэтому, чтобъ избѣжать нареканій въ невѣжествѣ и образовать чрез, посредство школъ твердый

---

[1]) Рукоп. Кіев. Духов. Акад. № R. 213.—листы. 6—7.

оплотъ противъ враждебныхъ покушеній иновѣрія,—нужно было южно-руссамъ поставить послѣднія въ такія условія, при которыхъ была бы возможна борьба съ учеными врагами. И вотъ мы видимъ, что представители южно-русской церкви приносятъ въ программы основываемыя ими школы новые предметы. Такъ, напр., львовское братство съ 1586 года вводитъ въ свою школу, гдѣ до сего времени обучали только чтенію и письму, преподаваніе греческаго языка, [1]) а спустя не много мы видимъ уже въ ней „грамматическое діалектическое и риторическое изученіе" [2]) и она (школа) стараніями князей Костантина Острожскаго и Ѳеодора Скумина, Тишкевича, Новогрудскаго воеводы, получаетъ (въ 1592 г.) право pro tractandis liberis artibus. [3]) Львовской школѣ, стоявшей въ то время во главѣ учебныхъ заведеній литовско-русскаго княжества, старались подражать и прочія южно-русскія училища.

Но если, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, представители южно-русскаго общества сочли нужнымъ расширить кругъ преподаваемыхъ въ школахъ наукъ, внесши въ него реторику, философію, діалектику и нѣкоторые другіе, дотолѣ игнорируемые предметы,—то какой характеръ, какое направленіе сообщенно было изученію этихъ, нововведенныхъ предметовъ?

Всѣ изслѣдователи, касавшіеся вопроса о состояніи южно-русскихъ школъ въ концѣ 16 и 17 столѣтіи, ясно различаютъ въ ихъ исторіи два періода—до Петра Могилы, когда въ основу обученія положенъ былъ элементъ греческій, и подъ вліяніемъ грековъ слагались педагогическіе начала и пріемы,—и періодъ могилянскій, когда въ педагогіи школъ вмѣсто греческаго началъ преобладать элементъ

---

[1]) Лѣтопись львовск. братства, подъ 1586 г. [2]) Акты Зап. Рос. IV. № 24. [3]) Лѣтоп. Зубрицкаго, подъ 1592 г.

южно.-польскій [1]) Такое дѣленіе вполнѣ справедливо. Направленіе, какому слѣдовала педагогія древнихъ школъ (до П. Могилы) рѣзко отличается отъ направленія, сообщеннаго обученію въ основанной Могилою Кіевской коллегіи и школахъ, устроенныхъ по ея образцу, хотя какъ въ первыхъ, такъ и послѣднихъ, науки преподавались почти одни и тѣже. Существенное отличіе здѣсь, главнымъ образомъ, состояло въ объемѣ, методѣ и особенностяхъ преподаванія.... Мы не имѣемъ въ виду дѣлать сравнительной оцѣнки всего круга наукъ, преподаваемыхъ въ юго-западной Россіи *до* и *послѣ* учебной реформы, произведенной Могилою. Мы сдѣлаемъ это только по отношенію къ реторикѣ, какъ наукѣ, имѣющей не посредственную связь съ нашимъ панегирикомъ, и сдѣлаемъ посредствомъ сравненія послѣдняго съ другими подобными произведеніями позднѣйшаго времени.

Насколько бѣдны панегирическими сочиненіями конецъ 16 и 17 столѣтіе, настолько же богато ими послѣдующее время. «Мнемозина (панегирикъ П. Могилѣ), говоритъ М. А. Максимовичъ, была зерномъ, изъ котораго подъ исходъ 17 вѣка выросъ у насъ цѣлый лѣсокъ панегириковъ.» [2]) Но не смотря на свою многочисленность, всѣ панегирики этого времемени, какъ чада одной и той же взлелѣянной схоластикою реторики, имѣютъ между собою существенное сродство. Отмѣтимъ ихъ главныя черты.

1) Почти всѣ панегирики того времени писаны по латыни или по польски, и только весьма не многіе южнорусскимъ языкомъ. [3])

---

[1]) Педагогія древнихъ брат. школъ Лучицкаго. см. Труды Кіев. Дух. Акад. за сентябрь. 1870 г. [2]) Южно-рус. старина М. А. Максимовича, въ Кіевлянинѣ за 1850 г. стр. 132. [3]) Такъ съ

2) Авторы панегириковъ употребляли всевозможныя старанія, чтобы щегольнуть вычурностію и причудливою замысловатостію формы своихъ произведеній. Эта вычурность и замысловатость просвѣчиваютъ иногда въ самыхъ заглавіяхъ панегириковъ. Такъ, напр. панегирикъ, посвященный памяти Сильвестра Коссова (Столпъ цнотъ), на заглавномъ листѣ имѣетъ такую гравюру. Вверху, въ облакахъ два ангела держатъ сердце умершаго Сильвестра. Подъ ними треугольникъ, по сторонамъ котораго надписи трехъ достоинствъ Коссова: чулости (бдительности), мудрости, терпѣливости; въ самомъ треугольникѣ заглавіе панигирика. Шесть стрѣлъ направлены на треугольникъ: изъ нихъ три: смерти, свѣта, тѣла-отскакиваютъ отъ надписей, другія же три съ подписями: «нетлѣнный, нескверный, несмертельный,» вонзаются въ достоинства. По лѣвую руку капелюшъ и пастораль, по правую—митра и крыжъ. Треугольникъ утвержденъ на двухъ столбахъ, поддерживаемыхъ львами (левъ былъ въ гербѣ Коссова) съ подписями «недвижимый.» Третій столпъ между ними повергнутъ такъ, что изображаетъ вмѣстѣ въ двумя первыми букву N, бывшую въ гербѣ Сильвестра. Вмѣстѣ съ послѣднимъ столбомъ повергается левъ, которому смерть раздираетъ пасть, а въ ней и около ея медъ и пчелы Здѣсь же находятся подписи, объясняющія, что хотя матеріально и умеръ Силь-

---

1633 года, если не считать *Евфоніи веселобрмячей*, дедикованной (посвященной) въ семъ году Петру Могилѣ отъ кіевскихъ тмпографовъ,—за все время митрополитства означеннаго іерарха (1633—1646 г) намъ извѣстны только панегирики, писанные полатыни и по польски. (Felix Cometa, Tentoria, sol post occasum и друг.) Почти тоже должно сказать и послѣдующемъ времени (см. Южно-рус. старину Мкксимовича.)

вестръ, но въ то же самое время возродился духовно, напр., «егда скончаетъ человѣкъ, тогда начинаетъ» и проч. За правымъ столбомъ изображена смерть, а за лѣвымъ—двуглавый аспидъ, который взбирается, чтобы достать достоинства Коссова. Внизу гравюры, три ступени, на каждой по льву съ надписями: «любви, надѣи, вѣры.» На верхней два ангела держатъ сердце (Сильвестра), пронзенное двумя стрѣлами (болѣзнію и смертію), съ словами: егда немоществую, тогда силенъ есмь.... Но еще чаще можно встрѣтиться съ вычурностію внѣшней формы разсматриваемыхъ нами произведеній при просмотрѣ самого текста ихъ. Особенно такою вычурностію отличаются панегирики, писанные стихами. Здѣсь мы видимъ совершенное подчиненіе внутренняго содержанія внѣшнему виду панегирика. Вотъ образецъ подобной заботливости о формѣ, взятый нами изъ одного доселѣ не извѣстнаго панегерика [2]) Петру Могилѣ.

Vive diu felix Tibi **P**etre, immobile saxu**M**
Aut tibi si renuis Vivere, Vive Deo:
Ipse polus de te **E**xcubat et de sydere tant**O**
Hic curat bino sole lucere cupit.
Vivit et in terris as**T**ris tamen invida tampro**H**
Ecce quod Archetypon fecit, imago facit.
Archetypo Petri simulachRum, cernite Div**I**
Heredem ille suis Hunc dedit esse viis.
Totus hic in toso viuUS pastore **MOHILA**
De ficiat Terrae ne Petrus Pastore ille Petrus.

---

[1]) См. статью Пекарскаго о Представ. кіев. учености въ XVII вѣкѣ, гдѣ означенный панегирикъ описанъ довольно подробно.

[2]) Панегирикъ сей найденъ нами въ одной книгѣ, хранящейся (подъ 731 №) въ библіотекѣ при Кіево-Софійскомъ соборѣ. Начальныхъ листовъ въ немъ недостаетъ.

3) Наконецъ, обращаясь къ внутреннему содержанію панегириковъ того времени, мы почти на каждомъ шагу встрѣчаемъ множество миѳологическихъ именъ, обиліе цитатъ, преимущественно изъ латинскихъ классиковъ, глубочайшее уваженіе къ гербу восхваляемаго лица и, наконецъ, при самомъ изложеніи пріемы чисто схоластическіе, рѣзко бьющіе въ глаза своими діалектическими тонкостями. Такъ, напр., одинъ изъ панегириковъ, посвященныхъ Петру Могилѣ (Мнемозина), начинается слѣдующими словами: Кто знаетъ судьбу *Ирисову* и уваженіе къ *Трасону* ясневелебный пастырь и патронъ, тотъ всегда пожелаетъ взяться за перо для возвышенныхъ эпитетовъ, для невыразимыхъ похвалъ, для твердой, какъ мраморъ, твоей славы. Ты хотя, говорю, происходишь отъ мужественнаго *Муція Сцеволы*, хотя знаешь полки храбрыхъ *Горацієвъ*, неустрашимыхъ *Аяксовъ*, непобѣдимыхъ *Геркулесовъ* и т. д. Въ этомъ же панегирикѣ ученые называются *сынами Минервы*, просвѣщеніе—*свѣтомъ Аполлона*, войска—*гнѣвною Беллонною*, основанныя Могилою школы—*Парнасомъ* и т. п.... Что же касается до діалектическихъ тонкостей и цитатъ изъ классиковъ, то ими особенно обильны панегирики, писанные прозою. Нестѣсненная опредѣленными размѣрами рѣчь давала любителямъ схоластики широкій просторъ, какъ показать свою ерудицію, такъ и пустить въ ходъ свои хитроумныя соображенія. Такъ въ одномъ панегирикѣ, [1]) поднесенномъ царю Ѳеодору Алексѣевичу, по

---

[1]) Панегирикъ этотъ, писанный по славянски, а частію и по польски, нашимъ библіографамъ не извѣстенъ. Онъ найденъ нами въ Кіево-Софіевской библіотекѣ между мелкими старопечатными брошюрами, переплетенными въ одну книгу, значущуюся по каталогу подъ № 732. Полное заглавіе панегирика слѣдующее:

случаю его бракосочетанія съ Агафіею Семеновною, находится такое замысловатое толкованіе. Господь Богъ, говоритъ панегиристъ,... въ тріехъ лицахъ, аки въ трехъ вѣнцахъ славимый и покланяемый,—Сей Ваше Царское Пресвѣтлое Величество отъ Царя, отъ чрева матерня избра, Царя посадити на престолѣ царскомъ отчемъ. Царь во *Троици* славимый *Треми* вѣнцы вѣнча тя. Богъ ВСЯЧЕСКАЯ во всѣхъ, Вседержитель, Ваше Царское Пресвѣтлое Величество содѣла Самодержца ВСЕЯ Россіи. Иже есть ВЕЛІЙ Господь, и его же велія крѣпость, Высочайшій небесъ, глубочайшій ада,—Сей тебе ВЕЛИКІЯ Россіи Самодержца постави. А иже елико великъ бѣ, толико смирися, зракъ раба пріемый, УМАЛИВЫЙ себе,—тебе МАЛЫЯ Россіи Самодержца прослави. О немъ же въ Пѣснехъ Пѣсній: братъ мой БѢЛЪ и красенъ,—тебе БѢЛЫЯ Россіи Самодержца укрѣпи».....
Приведемъ еще двѣ и уже послѣднія выдержки изъ панегирика, представляющаго верхъ совершенства по части дрессировки умственныхъ способностей. Авторъ *Столпа цнотъ*, желая почтить память Сильвестра Коссова, старается достигнуть этого, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ. »Мѣлъ сѣти, говоритъ онъ объ умершемъ митрополитѣ, подобныя Петровымъ, сѣти премудрыхъ словесъ евангельскихъ, которыми ловилъ словесныя рыбы; кгды поизримо на клейнотъ его гербовный, а обачимо (увидимъ) за кратою льва [1]), подобно схочемо уважати, же то тамъ левъ за кра-

---

Motio secunda, wiadomość druga y szczesliwa od Cara Davida Carowi Theodorowi Alexiewiczowi duchem prawdy przy weselu opowiedziana. Kiedy mu Bog iako daru Bozemu Dar swoy Bozy Carice Agafia Symenowne darowal (datum не означено).

[1]) Въ гербѣ Коссова гербъ былъ изображенъ за рѣшеткою.

тою, якъ за сѣткою, ижъ и крата на кшгальтъ (на подобіе) сѣтки, звлаща (особенно) при Соломоновомъ столпѣ, которая была мѣдная, есть на кшгальтъ краты, не хочемо приписати пастыреви нашему, же онъ не только рыбы, лечь и львы ловилъ въ пустыни,—исте (поистинѣ) не выступимо съ границы слушности». А вотъ и другое мѣсто: «Приписывало небо пастыреви нашему звитязство (побѣду) приписывала и земля, самое читаючи его стемма N которое и до горы маетъ V и на долъ Λ: до горы V, гды читаетъ земля, мовитъ—vincis te vincis et hostem, звитежаешь себя и непріятеля; на долъ Λ гды читаетъ небо, мовитъ vincis te vincis et hostem.»

Сравнивая сейчасъ разсмотрѣнныя нами панегирическія сочиненія съ сообщаемою «Просфонимою» нельзя не замѣтить какъ должна быть различна почва ихъ произведшая. Правда, и въ нашемъ панегирикѣ можно уже видѣть нѣкоторыя слѣды польскаго вліянія. Такъ, сюда должно отнести самую силлабическую рѣчь, какою онъ написанъ, помѣщеніе въ началѣ его герба (городского) и толковательныхъ къ нему виршей (обычай занесенный изъ Польши) и, наконецъ, употребленіе (въ первой половинѣ панегирика) нѣкоторыхъ польскихъ словъ,—но слѣды эти, сравнительно, весьма слабы и, такъ сказать, стушевываются при общемъ обзорѣ памятника. Не вдаваясь въ излишнія подробности укажемъ здѣсь на тѣ литературныя особенности нашего панегерика, которыми онъ такъ рѣзко отличается отъ подобныхъ произведеній могилянской эпохи, писанныхъ подъ исключительнымъ вліяніемъ латино-польской схоластики.

1). Онъ написанъ на южно-русскомъ нарѣчіи, причемъ нѣкоторыя мѣста его приближаются даже къ языку церковно-славянскому (см., напр., начало перваго лика).

2.) По внѣшнему своему виду не представляетъ той причудливой вычурности, которая составляетъ почти неизбѣжное явленіе въ панегирическихъ сочиненіяхъ (особенно писанныхъ стихами) могилянской эпохи.

3.) Содержаніе его совершенно свободно отъ классическихъ мѣстъ и миѳологическаго балласта.

4.) Изложеніе, хотя и нечуждо нѣкоторой трескотни (какъ и всѣ панегирическія произведенія), не представляетъ однако тѣхъ діалектическихъ тонкостей, къ какимъ постоянно прибѣгали панегиристы позднѣйшаго времени.

Послѣ сдѣланнаго нами сопоставленія панегирическихъ произведеній могилянской эпохи съ приведенною *Просфонимою*,—что сказать объ ихъ относительномъ достоинствѣ?

Хотя мы не раздѣляемъ крайняго возрѣнія г. Кояловича, слишкомъ высоко ставящаго обученіе въ могилянскихъ школахъ (Лит. Церк. Ун. т. II стр. 390—392) и чрезъ мѣру унижающаго учебную реформу, произведенную П. Могилою (Ibid. стр. 187—193),—тѣмъ не менѣе нельзя не признать, какъ много до нелѣпости смѣшнаго привнесено въ южно-русскія школы, благодаря излишнему увлеченію Могилы мишурнымъ блескомъ польско-іезуитской цивилизаціи, и не пожалѣть при этомъ, что нашъ знаменитый архипастырь, преобразовывая школы, не обратилъ надлежащаго вниманія на элементы, положенные въ основу обученія южно-русскими братствами. Разсмотрѣнный нами панегирикъ и панегирическія произведенія могилянской эпохи—живые свидѣтели справедливости сказаннаго нами.

С. Голубевъ.

Печ. позвол. Кіевъ., 16 марта. 1874 г. Цен., прот. **М. Богдановъ.**
Въ Типографіи аренд., С. Кульженко и В. Давиденко.